

Литературный МАЯК

№ 6
(223)

Выпуск подготовлен при спонсорской поддержке СХПК Комбината Печлицкий

СЛОВО РЕДАКТОРУ

Любезный читатель, здравствуй.

Июнь... Литературных событий очень много: встреча авторов «Литературного маяка» с читателями в Вологодской областной библиотеке, международная Рубцовская конференция в Череповце, выход из печати новых книг, талантливые рукописи талантливых авторов...

По мере возможности рассказываем обо все этом на страницах «Литературного маяка», но за всем никак не поспеть. А может, и не надо за всем-то поспевать? А если не всегда получается напечатать даже важное, то уж и публиковать-печатать только самое-самое важное. На мой взгляд, конечно же, самое-самое... А что делать? – никуда от этого «своего взгляда» не денешься...

Но всегда верю, что если что-то интересно мне, то интересно это и еще кому-то – тому самому «любезному читателю», к которому обращаюсь я в начале этой колонки...

Обращение это досталось мне «в наследство» от Юрия Макаровича Леднева, редактора газеты «Вологжане улыбаются». Наследником «улыбающихся вологжан» стал «Литературный маяк», а наследником обращения «любезный читатель» – я. Теперь уже привык к этим словам, и главное, точно знаю, что и читатели-то привыкли... И стали мне читатели «Литературного маяка», действительно, любезны, дороги... Вот для них и стараюсь в каждый номер что-то интересное «литературное» найти.

Кстати, а и поставлю-ка я сюда, в эту колонку, стихотворение поэта, чья подборка не вошла в этот номер – Александра Черницкого, уже знакомого читателям «ЛМ». Он уезжал ненадолго в другой город, поработал на военном заводе, а вернулся на малую родину со стихами. Вот одно:

Александр ЧЕРНИЦКИЙ

Крылья

Светлане Мизинцевой

Я штамую крылья для ракеты,
Крылья для ракеты боевой.
Это ненормально для поэта,
Я привык к тому, что мир живой.
Говорят, нуждается в защите
Этот мир, но только не пойму,
Если он сгорит, кого винить мне?
Мертвый мир не нужен никому.
Вместо металлических, громдных,
Я отдам ей два своих крыла.

Не взлетит,
конечно, ну и
ладно.

Ты проснешься,
а Земля жива.
Земля жива
голосами своих
поэтов. Поэты,
делайте стихи,
а не войну!

**Дмитрий
ЕРМАКОВ.**

Рубцов на русском и китайском

Дмитрий ЕРМАКОВ

Лу Вэнья читает стихи Николая Рубцова

«Рубцовская конференция - это совместный проект ЧГУ и Дома знаний. В поддержку выступила библиотека имени Рубцова Санкт-Петербурга, Евразийский национальный университет имени Льва Гумилева, алуштинский дом-музей Ивана Шмелева, - рассказал один из организаторов конференции, доцент кафедры истории и философии Гуманитарного института ЧГУ Алексей Новиков. - Рубцов своей поэзией затрагивает самые тонкие струны человеческой души, вопросы любви, отношения к Родине, войне. Его поэзия актуальна, привлекает не только российских, но и зарубеж-

ных исследователей».

Мероприятие началось с чтения стихов к памяти поэта. Николай Рубцов - поэт своевременный и современный, звучный, пожалуй, любой эпохе, ибо он лирик, он духовник, он «энергетик», дающий душе «печальный свет...» Его творчество и обогатило русскую литературу, и поддержало ее в нужный период времени, не дало сбиться ей на шлягерный мотив, убергло корни. Николай Рубцов пришел в поэзию и, как отличный регулировщик, встал на распутье, указывая своим творчеством нужное направление для грядущих поколений...

Научный форум проходил в Доме знаний, где в 2011 году был открыт литературно-краеведческий центр Рубцова. Участники представляли Вологодскую область, Санкт-Петербург, Москву, Екатеринбург, Мурманск. Приехали также ученые из Румынии и Китая.

Известный русский поэт, череповчанин Александр Пошехонов, обращаясь к собравшимся у памятника поэту, сказал:

- Николай Рубцов - поэт своевременный и современный, звучный, пожалуй, любой эпохе, ибо он лирик, он духовник, он «энергетик», дающий душе «печальный свет...» Его творчество и обогатило русскую литературу, и поддержало ее в нужный период времени, не дало сбиться ей на шлягерный мотив, убергло корни. Николай Рубцов пришел в поэзию и, как отличный регулировщик, встал на распутье, указывая своим творчеством нужное направление для грядущих поколений...

Научный форум проходил в Доме знаний, где в 2011 году был открыт литературно-краеведческий центр Рубцова. Участники представляли Вологодскую область, Санкт-Петербург, Москву, Екатеринбург, Мурманск. Приехали также ученые из Румынии и Китая.

Прозвучало более 60 докладов. По итогам конференции будет издан сборник.

**Александр
ПОШЕХОНОВ**

Памяти Николая Рубцова

*Дорогой мой человек,
Кто сказал, что व्यога злая,
Путь бродяжий заметая,
Чью-то путая судьбу,
Продудела нас в трубу?!*

*Мы все бродим по лесочкам,
Веря в силу колосочка,
Славя отчие поля,
В ветровых своих карманах
Не имея ни рубля.*

*Наши песни, как мосты –
Свежеструганы, просты, –
Мир с душой соединяют,
С болью сватают сердца
До печального конца.*

*Выбрав древнюю дорогу,
Мы уходим понемногу
Без причетов и молитв
Под ярмо могильных плит.*

*Мы уходим, завещая
Быть и новь родного края
Славить трезво и умно
Тем, кому судьбой дано,*

*Не солгать, не повториться
Слово русское храня,
И за нами раствориться,
В ликованье вечном дня.*

*Дорогой мой человек!
Живы мы, пока на свете
Доброта живет в поэте,
Боль чужая, как своя,
Не дает уснуть ночами,
И – пока кричат грачами
Наши светлые края.*

Музею-заповеднику Рубцова в Никольском быть!

По итогам работы конференции ее участниками была принята итоговая резолюция...

Резолюция

IV Международной научно-практической конференции «Творчество Н. М. Рубцова в контексте глобальных и национальных культурных традиций», посвященной 80-летию со дня рождения великого русского поэта и 45-ой годовщине его трагической гибели.

1. Признать итоги работы конференции удовлетворительными, а форумы подобного формата необходимыми и важными для изучения биографии и творчества Н. М. Рубцова.

2. Выразить искреннюю благодарность всем организаторам и участникам конференции.

3. Отдельную благодарность и признательность выразить директору «ДДиУ «Дом и знаний» Хазовой Наталье Николаевне и руководителю литературно-краеведческого центра Н. М. Рубцова г. Череповца Беляевой Лидии Сергеевне, предоставившим площадку для конференции и приложившим немало усилий для ее успешного проведения.

4. Считать необходимым и важным продолжение сотрудничества между Рубцовскими центрами, музеями и библиотеками в вопросах популяризации и изучения наследия Н. М. Рубцова.

5. Взаимодействие строить на доброжелательной и принципиальной основе, следуя правилам взаимного уважения и согласия, объективного и аргументированного отношения к фактам биографии и творчеству Н. М. Рубцова.

6. Добиваться объективного и взвешенного отношения к биографии и творчеству Н. М. Рубцова, отказа от поиска сенсационности и создания ореола скандальности вокруг имени поэта в современном информационном пространстве.

7. Создать рабочую группу по подготовке материалов к биографии поэта и к изданию академического собрания сочинений Н. М. Рубцова, включив в нее исследователей творчества поэта из Мо-

сква, Санкт-Петербурга, Вологды, Череповца, с. Никольского, Сургута, Дзержинска и других городов России. Работу комиссии осуществлять при участии дочери поэта Елены Николаевны Рубцовой.

8. Поддержать инициативу жителей села Никольского Тотемского района Вологодской области о создании в нем историко-культурного и ландшафтного музея-заповедника Н. М. Рубцова

Участники Международной научно-практической конференции «Творчество Н. М. Рубцова в контексте глобальных и национальных культурных традиций».

24-25 мая 2016 г.,
г. Череповец.

Николай Алешинцев уже хорошо известен читателям «Маяка». Весь прошлый год в нашей газете ежемесячно публиковались его очерки. Публиковались и отдельные стихотворения. Сегодня, представляя большую поэтическую подборку Николая Алешинцева, напомню, что он является членом Союза писателей России, живет в Великоустюгском районе Вологодской области.

Вот как сам он определяет суть творчества: «На мой взгляд, поэзия, проза, музыка, изобразительное искусство и все то, что вообще делается искусно – это пойманная молния. Божьей волей кому-то удается это сделать. Вы спросите: почему «мужество»? – да потому, что оголить свое сердце и добровольно посадить себя на скамью подсудимых, где судей – миллионы, каждому ли дано? Но делать это все-таки надо. Сплав Божьего дара и вашей энергии обязательно будет кем-то понят, осветит чью-то душу. А это значит, что и в целом на Земле будет светлее. Другой вопрос: сможет ли этот человек, объединив чувства, ум, трудолюбие и мужество укротить небесную энергию до возможности понимания ее на земле...»

Когда этот материал уже готовился к публикации, я получил бандероль из деревни Чернево Великоустюгского района – новую книгу Николая Алешинцева «Никитино счастье». Подробнее о книге расскажу в следующих номерах «ЛМ», а пока – от всей души поздравляю Николая Созонтовича с этим изданием.

Д. Е.

Как громко «Подожди!» тебе
кричал я,
Но не услышала! Чужая
чья-то власть
Нас разлучила. Только вот зачем?
Сады цвели, весной вскрывались
реки?
Зачем болело сердце человека?
И билось все-таки. Ответ же мне:
зачем?
Не укоряю. Бог всему судья.
Поверь, любимая, за все
не наши годы
Любови к тебе ни капельки
не продал,
Хоть иногда в деньгах нуждался я.
Да, было все. И страстные слова
Шептал в ночи. Мне тоже их
шептали.
И, кажется, совсем, совсем
не врали,

Рвет налету беззащитное тело.
Перышко кружит последний
привет.
Волки седые идут напролом.
Бьются сердца, словно голуби
в клетке.
Красная кровь замерзает на ветке.
Целясь, охотник поводит стволом.
Знаю, не спишь. Тебе зябко одной.
Жутко в большой одинокой
квартире.
Бьют беззащитность твою,
словно в тире,
Люди бессовестных сплетен
стрелой.
Нет, мне не жаль стаю
злых волков,
Лебеда жаль и погибшую птицу.
Всех одиноких, которым не спится,
Дай ты им, Господи, ласковых снов.
Дай ты им, Господи, силы забыть

И не страшит в полном
мраке вьюга.
Лишь шепчутся раскаянно слова:
«Зачем же мы остались друг
без друга?»
Какие льды разъединили нас?
Невинную фату рвет в клочья
зимний ветер.
Разъехались, о взгляды уколясь,
Как злейшие враги на всей
планете.
Ах, как разлуки тягостен урок,
Обид взаимных жестко давит
груда.
Да часики отсчитывают срок
Без рыцаря, без Золушки,
без чуда.
Лишь одиночество бездомного
пургой
Скулит в дверях. И что-то
сердцу больно.
Ты не моя, и я давно не твой.
Скупаем же. А может быть,
довольно?
Нам ждаться чудес, свалившихся
с небес?
Разлука счастьем лживая подруга.
Ведь ясно же: без птиц
погибнет лес.
И мы с тобой погибнем друг
без друга.

Николай АЛЕШИНЦЕВ

Просто любовь

Любовь

В великой жизни правды и обмана,
Где грязь и золото в одну
скрутились нить,
Нас жжет любовь,
как пулевая рана.
Так больно... но еще больней
лечить.

Ты любимой была и
счастливой была.
Навсегда, а не только на этот
вот вечер.

Эшафот

Опять всхожу на эшафот любви.
Ликуй, толпа! И камни и проклятья
Бросай в меня. Не буду отвечать я,
Влюбленный, хоть собаками трави!
Рубите голову; любовь я не предаю,
Мы с милой этот путь
благословили.
Зато, встречаясь, мы вино
такое пили,
Какое подавалось лишь богам.
А зайчик солнечный
на топоре дрожит...
«Не бойся, маленький,
я выпью эту чашу.
И кровью сталь холодную окрашу,
Но сберегу любовь от зла и лжи.
Я улыбаюсь, слыша птичий гам.
Пусть путь земной и двух шагов
короче,
Зато у нас такие были ночи!
Рубите голову! Любовь
я не предаю!»

Я тебя не зову в царство страсти
и грез,
В наши годы беспечно ходить
над обрывом.
От пустых обещаний, страданий
и слез
До воды наклонились плакучие
ивы.

Но хочу я подняться над миром
седым
Над печалью, изменами, злобой,
и болью
Растопить навсегда недоверия
льды,
Поделившись оставшейся
в сердце любовью.

Не пытаюсь узнать,
как ты раньше жила.
И мечтать о дожде,
чтоб укрыть твои плечи.
Быть таким, чтобы счастье
ты вновь обрела,
Навсегда, а не только
на этот вот вечер.

Крик

«Постой, палач, ты выполнил
свой долг,
И свежей кровью плаха
обагрилась.
Казни сейчас меня, знать плохо
я молилась,
Просила, отступишь, он жить еще
бы мог.
Но не послушался! И в том моя
вина,
Что от людей ее любовь его таила.
Казните же меня, я заслужила».
«Казнить?» - палач спросил,
Толпа взревела: «Да!»
Взошла на эшафот, дрожащая
от страха.
Вдруг голос с неба, рев толпы
круша:
«Остановитесь! То идет на плаху,
За сыном материнская душа!»

Как-то солнце шепнуло:
«К реке приходи.
Когда бросятся дети мои воду пить,
Разрешаю: лучик один укради, чтоб
Любимой в ночи светить».

Я пришел и увидел,
как солнца лучи,
Воду пьют из реки, веселясь и
играя.

Но не стал воровать,
одиночество зная,
Я не мог их разлукою злой
огорчить.

Ты прости, мне не надо
чужого огня,
Ничего мне не надо, что горе
приносит.
Мое сердце - костер!

Ну, подумаешь, осень,
Ну, подумаешь, льдинки на лужах
звенят.

Я живу, и бессонное пламя любви,
Даже ночью, когда божий мир
отдыхает,
Освещает пути и сердца
согревает,
И ласкает красивые губы твои.

Любови не ощутивши крыл,
Под звездный путь поднявших,
Млечный,
Ты был лишь листиком беспечным
Во власти сумрачных ветрил.
Коль ты у Бога не молил
Продлить на миг с любимой
встречи,
Мне жаль. Ты жег напрасно свечи,
Коль только сам себе светил.

Женщине

Мне не надо о том,
как ты раньше жила.
Лишь бы после нежданно-
негаданной встречи

Тринадцать тысяч

Я не успел, а ты не дождалась
На Сухонском обветренном
вокзале.

В приливе чувств
кружилась голова.
Я не могу сказать, что не
любил.
Нечестно было бы от слов
своих отречься,
Но так легко в костре
любви обжечься,
Что вновь поверить
не хватает сил.
Последний день я вижу
сквозь года.
Лошадка тронулась.
Ты вслед бежишь, рыдая,
И падаешь.... Не знали мы,
родная,
Что можно так расстаться
навсегда.
Часы без милой кажутся
длинней.
Ты ждешь ее, минуточки
считаю.
А я же, дни разлуки
отмечаю,
Жду и люблю тринадцать
тысяч дней!

Говорю

Говорю о любви, свои чувства
от вас не скрывая:
О порыве души и о том,
что забыто давно,
Что просмеяно ныне, что топчет
толпа, изнывая
На эстрадных подмостках. И живо
лишь в старом кино.
Я моложе, чем вы! Бьются сердца
от нежности бешено.
Я люблю! И пусть мечется
в сумрачном небе гроза,
В жизни все хорошо, если утром
счастливая женщина,
Просыпаясь от ласк, кулачком
потирает глаза.
И пусть снова разлука.
Пусть версты безмерны и стылы,
И о чем-то тревожно гудит
колокольная медь.
Я живу на ресурсах какой-то
загадочной силы
И, смертельно любя,
ни за что не могу умереть!

Разноцветная беда

Белая чайка над черной волной
Мечется, бедная, в высверках
молний.
Ветром леса вырываются
с корнем.
Как же ей справиться
с бурей одной.
В сером тумане лебедушки плач.
Ищет, любимого, силы теряя.
Не откликается белая стая.
Где-то невидимый стонет косач.
Синяя птица взлетает в рассвет.
Сокол навстречу, жестокий и
смелый,

Все, что причиной было разрыва.
Розовой чайкой с речного обрыва
Снова взлететь и любимую быть.

Рябиновые гроздь

Как ярко осенью рябиновые
гроздь!
Поля за синей дымкою грустны.
Какой же путь указывают звезды:
Воскреснувшей любви или вины?
Какой же путь? И что сказать
при встрече?
Томятся в сердце нежные слова.
Спасенные от бурь, не гаснут
свечи.
И верится: любовь еще жива.
А коль жива – седлай коня удачи.
Пой песни ей! Пиши в ночи стихи!
Дари цветы! Уж ничего не значат
Разлукой искупленные грехи.
Осенний ветер, обнимая вербу,
На землю стелет желтую фату.
Любовь звездой рождена на небе
И падает звездой в темноту.
Да, я смущен своей любовью
поздней.
Да, осень. Не тревожат соловьи.
Но снятся мне рябиновые гроздь,
А чаще губы жаркие твои.

Не расставайтесь

Нет жизни без распахнутых небес,
Без бурь вода закиснет в океане.
Без птиц в пустыню
превратится лес,
А без любви совсем людей
не станет.
Тепло в избе. В запасе есть дрова,

Просто любовь

Или письма мои не находят тебя,
Иль слова в них жестоко тебе
досаждают.
Не гудят поезда, на секунды деля
Твою ночь. Ничего я, родная,
не знаю.
Не могу ничего ни понять,
ни забыть.
Стынет сердце в снегу
беспросветной разлуки
Мне бы птицей о лед, мне бы
волком завывать
И сломать от бессилья
ненужные руки.
Только вдруг все не так.
И навязчивый сон
Хочет просто убить и любовь,
и надежду.
Отвернусь от зияющих тьмою окон
И поверю, что все остается,
как прежде.
Просто письма мои не находят
тебя,
Равнодушной душе они только
игрушка.
И грустишь ты, ревную меня
и любя,
Доверяя печали и слезы подушке.
И зовешь. И не надо мне больше
равнять
Свои муки с печалью моей
ненаглядной.
Надо все превозмочь,
надо сердце унять,
Обгоняя ветра, мчаться к ней
безоглядно.
Прилететь, постучаться
в неведомый час,
И, когда торопливо откроются
двери,
И слезинка блеснет
из распахнутых глаз,
Прошептать: «Я люблю». И понять,
и поверить.

Ночь

Любимой женщины дыхание
ловлю,
И в темном бархате волшебной
добррой ночи
Целую, умираю и молю:
Пусть будет все, что милая захочет.
Она попросит задержать рассвет,
И мы растаем в страсти и желанье.
Мы в переулках жизни сотни лет
Искали это первое свиданье.
И все еще не верится, что я
Могу купаться в нежности любимой,
И тихое признание: «Твоя»
Ни для кого не будет повторимо.
Мы вновь танцуем танго для двоих.
Сердца и души ночь объединяет.
Не выпить нежность мне из глаз
твоих
В груди моей любви не убывает.
Прости, Господь! Наверно,
виноват,
Что из толпы унылой пилигримов,
Я вновь шагнул в чадающий зноем ад
За эту ночь в объятиях любимой.

«Вологодская тетрадь»: Д. Г. Шеваров. – Вологда: Древности Севера, 2016. – 323 с.: ил.

«Эта книга – приношение Вологде в канун ее 870-летия. Здесь собраны посвященные вологжанам рассказы и очерки, написанные Дмитрием Шеваровым в разные годы. Одна часть произведений ранее публиковалась, другая увидит свет впервые», – говорится в аннотации.
Предлагаю свой взгляд на эту книгу.

Писатель и журналист Дмитрий Шеваров известен всероссийскому читателю как постоянный ведущий рубрики «Дневник поэзии» в «Российской газете», по публикациям в «Комсомольской правде», журналах «Новый мир», «Урал», «Смена», «Дружба народов», «Знамя», как автор книг, последняя из которых «Двенадцать поэтов 1812 года» вышла в знаменитой серии ЖЗЛ, лауреат многих премий.

Для вологжан Дмитрий Шеваров еще и земляк, в 80-е годы – журналист газеты «Вологодский комсомолец», для многих – друг, приятель, добрый знакомый...

И вот в Вологде, в издательстве «Древности Севера» вышла новая книга Шеварова «Вологодская тетрадь»... Отлично изданная, со множеством фотографий книга.

Это странный, на первый взгляд, сборник рассказов, очерков, газетных заметок, выдержек из писем, интервью, воспоминаний... Но как только начинаешь читать – забываешь о «странности» и погружаешься в созданный автором мир.

Главный герой этой книги – старинный русский город Вологда, увиденный глазами ребенка, молодого человека, взрослого писателя и журналиста, прочувствованный через любовь к дедушке и бабушке, к первой учительнице, ставший близким вместе с десятками людей – одноклассников, коллег по работе в газете...

«Я застал Вологду травяной, сплошь деревянной, с бытом скорее сельским, чем городским. Как я сейчас понимаю, такой город луч-

Книжная полка «Маяка»

О времени и вечности «Вологодская тетрадь» Дмитрия Шеварова

ше всего подходит для первых шагов по земле...» – вот как пишет Дмитрий Шеваров. Он не боится «распахнуть душу», показаться сентиментальным, он признается в любви к людям и городу.

Казалось бы – книга только для вологжан. Но... Среди героев книги: Константин Батюшков, Александр Яшин, Сергей Орлов, Николай Рубцов, Василий Белов, Александр Башлачев...

Но это книга не о великих и известных вологжанах. Дмитрий Шеваров не делит людей на «знаменитых» и «простых». Все они – близкие

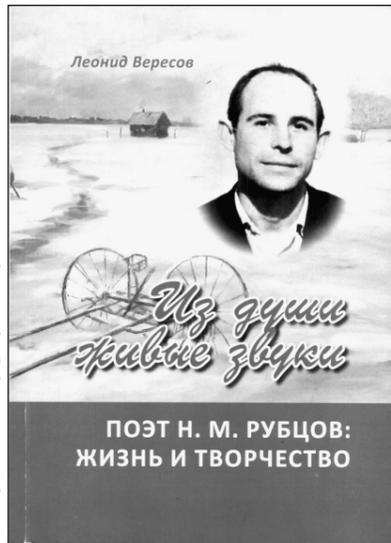
ему люди, и он о каждом хочет сказать доброе слово. И говорит.

Книга не только для вологжан, потому что там, где автор пишет об учебе в конкретной школе, о своем дворе, разве не увидит каждый, живший в то же время – свою родную улицу, школу... Увидит. Потому что Дмитрию Шеварову дано писать так, что читатель видит и чувствует вместе с ним. Он умеет передать аромат времени, отзвуки вечности...

«Больше никому не надо на тот берег, мы плывем одни. В пятиэтажном доме, к которому мы плывем, на самом верху включили свет, наверно, на кухне. Видно, как двое сели за стол. Свет отразился в черной воде и поплыл вместе с нами...» Это же великолепная русская проза!

«Я верю, что такими рассказами и книгами, какие пишет Дмитрий, мы запасаемся на будущее целительным светом, детской добротой и чистой верой в нераздельность жизни – земной и небесной – жизни, дарованной Богом», – писал незадолго до своего ухода поэт и первый редактор (в газете «Вологодский комсомолец») Шеварова – Владимир Кудрявцев. Он не ошибся.

Я с удовольствием читаю книгу русского писателя Дмитрия Шеварова о Вологде, о времени, о вечности...

ПОЭТ Н. М. РУБЦОВ:
ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО

«Из души живые звуки. Поэт Н. М. Рубцов: жизнь и творчество»: Леонид Вересов. – Вологда, 2016, 370 с., ил.

В сборник статей и очерков известного исследователя жизни и творчества Николая Рубцова включены, как ранее публиковавшиеся работы, так и новые исследования.

Сам Леонид Вересов так пишет в предисловии о своей работе:

«Вижу своей задачей не просто использовать стихи и биографию поэта Рубцова для доказательства своих теорий, что делает большинство исследователей его творчества, а имею целью привнести новое в его биографию и дополнить его творчество за счет расширения источниковедческой базы. Я стараюсь находить и публиковать новые факты, документы, материалы, воспоминания о Рубцове, вводить в научный оборот новые фото и киноматериалы...» Надо сказать, что Леониду Вересову это хорошо удается, чему доказательством и новая книга.

Д. Е.

В одной из глав своей книги Леонид Вересов убедительно разрушает миф о том, что Рубцов будто бы писал свои стихи сразу «набело», без вариантов. Опираясь на архивные данные, исследователь приводит не менее пяти вариантов стихотворения «В минуты музыки». Один из вариантов (почти канонический, но знатоки найдут и отличия) мы и приведем здесь, а вся история создания этого стихотворения в книге Л. Вересова.

Николай РУБЦОВ

В минуты музыки печальной

*В минуты музыки печальной
Я представляю желтый плес,
И голос женщины прощальный,
И шум порывистых берез.*

*И путь без солнца, путь без веры
Гонимых ветром журавлей
И первый снег под небом серым
Среди погаснувших полей!*

*Давно душа блуждать устала, –
В былой любви, в былом хмелю,
Давно понять пора настала,
Что слишком призраки люблю.*

*Но все равно в жилищах зыбких –
Попробуй их останови! –
Переключаясь, плачут скрипки
О желтом плесе, о любви,*

*И все равно под небом низким
Я вижу явственно, до слез
И желтый плес, и голос близкий
И шум порывистых берез,*

*Как будто вечен час прощальный,
Как будто время ни при чем.
В минуты музыки печальной
Не говорите ни о чем...*

31.05.1966 г.

Дмитрий Шеваров

Вологодская тетрадь

В далеком уже 1974 году вышел в свет справочник административно-территориального деления Вологодской области, в котором были помещены названия 10008 деревень, сел, поселков и городов. Интересно, что самым распространенным именем деревни тогда стала Горка, которых по области насчитывалось 92! Самое простое объяснение этому факту – то, что на равнинной, в целом, Вологодчине любой маломальский холм люди уже считали «горкой», а деревни наши предки любили, конечно же, строить на высоких, сухих местах. Но, как оказалось, это лишь поверхностный взгляд на происхождение топонима Горка. На самом деле все оказалось более сложным и интересным!

Путешествуя по области, я несколько раз замечал, что деревни с одинаковым названием Горка в разных районах расположены рядом с церковными погостами. Видишь впереди по дороге церковь, и тут же, на обочине, как правило, возникает указатель на синем фоне – «Горка». В Вологодском районе, например, есть деревня Горка на правом берегу реки Поченьга, а всего в двух верстах от нее стоит Богородице-Владимирская церковь. Какая же связь была между приходскими храмами и деревнями с названием Горка? В поисках ответа на этот вопрос пришлось обращаться к историческим документам...

Переписная дозорная книга дворянских земель Вологодского уезда была составлена во второй половине XVI века, в 1589-90 годах. В то время Вологодский уезд охватывал огромную территорию в центре со-

Александр КУЗНЕЦОВ «Деревня Горка, а в ней поп...»

временной области, в пределах Грязовецкого, Шекснинского, Вологодского, Усть-Кубинского, Харовского и частично Сокольского районов. На страницах старинной книги удалось найти такие строки: «Того ж Рождественского погоста деревня церковная Горка на речке на Бучихе, а в ней во дворе поп Иван...», или еще – «У погоста ж Иванов Слобода деревня церковная Горка, а в ней во дворе поп Алистарх...» Схожие примеры о «церковных деревнях» имеются и в документах по Устюженскому, Белозерскому, Тотемскому и Устюжскому уездам. Вот только один пример: «Деревня Горка Лозской волости Бе-

лозерского уезда, на Лозском озере, а в ней двор попов, двор дьякона, 5 келий, в них трапезник да просвирия» (из переписной книги 1678 года). Следовательно, в старину топоним Горка употреблялся для обозначения деревень, принадлежавших причту местных церквей.

Вологодский район интересен тем, что в нем, недалеко друг от друга находятся три деревни с названиями Горка Покровская, Горка Ильинская и Горка Никольская. Про последнюю в описи Спасо-Каменного монастыря от 1628 года есть такая запись: «Деревня Никольская Горка, во дворе поп Иван Андреев...»

Ныне эта деревня находится слева от дороги на Кириллов близ деревни Новое. Рядом с Никольской Горкой был расположен погост с Николаевской Отводинской церковью. Ильинская Горка расположена на берегу реки Большая Ельма (недалеко от Новленского), в виду Ильинской Больше-Ельминской церкви. Деревня Горка Покровская стоит у Кирилловской дороги справа, немного не доезжая до Березника. Рядом с ней – Покровская Сямская церковь. Определения к названию Горка в этих случаях понадобились потому, что в старину в некоторых волостях имелось не по одному церковному приходу, соответственно, и церковных деревень было нужно несколько.

Для каждой церкви прежде волостные крестьяне выделяли отдельную землю «в прокормление священнику с причетники». Зачастую эти участки обрабатывали сами крестьяне, подрывавшиеся на работу из половины, трети или четверти собранного урожая. Вот в дозорной книге Тотемского уезда от 1619 года записано, что в волости Вожбал «поп Офонасей, пономарь Гришка Онисимов, да трапезник Осипко Иванов жили на погосте у Благовещенской церкви деревня клецки», а через ручей от храма была деревня Горка, Поповка тож, в которой проживали «Павлик да Ларка, Денисовы дети», пахавшие землю «исполу», иными словами – делвшие урожай пополам с причтом. Интересно, что в этом источнике де-

ревня Горка названа еще Поповой, хотя сам поп в ней не жил, а вот земля ему здесь принадлежала...

Почему для церковных деревень, землей которых пользовались священники, дьяконы, трапезники, было принято название Горка? Возможно, сказала православная традиция именовать возвышение как «горнее место». Замечено также, что церковный и монастырский именословы принципиально отличались от крестьянского (мирского). Например, подбор личных имен монахов Спасо-Прилуцкого монастыря в XVI веке полностью не совпадает с характерными для того времени именами крестьян. У монахов были имена Феодосий, Феогност, Варлам, Паисий, а у крестьян – Иван, Василий, Федор, Кузьма... Деревни, принадлежавшие некогда Маркушевской Агапитовой пустыни (ныне – в Тарногском районе) имели названия Угор, Скотный Двор, Пар, Мельница, Толчая, Кривуля, а рядом с ними черносошные крестьяне жили в деревнях Семеновская, Афонская, Михеевская, Матвеевская...

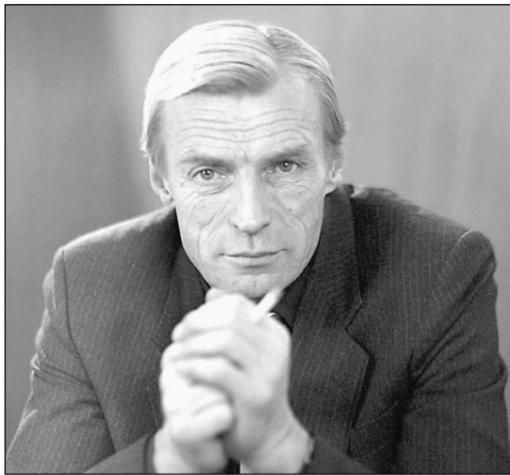
Точно так же и названия церковных деревень Горка отличались от обычных имен крестьянских селений. В старину всем было понятно – раз Горка, значит, это земля приходского храма. Позднее устойчивое определение забылось и только исторические документы еще хранят память о церковных (поповских) деревнях.

Рисунок автора.

22 мая отмечался день рождения нашего земляка, известного русского актера Николая Владимировича Олялина, уроженца д. Опихалино (ныне – Новленское сельское поселение). К сожалению, уже скоро семь лет, как он ушел от нас, но энергия его личности, характера все бередит души, трогает нас. Светлана Чернышева напоминает нам о поэтической грани таланта этого незаурядного человека...

Походя...

(к 75-летию Н. Олялина)

Сидели мы как-то за семейным столом в деревеньке Вотча, вдалеке от городской суеты. И вдруг сверкор Владимир Иванович, раздосадованный разговорами о далеком прошлом, решил показать сборник стихов Н. Олялина «Походя», подаренный ему самим актером. «Владимиру Ивановичу, земляку, милому доброму человеку. С уважением. Н. Олялин (земляк). 12.11.1992 г.» - автограф автора на второй странице этой неказистой с виду, изрядно уже потрепанной книжки.

К своему стыду, я никогда не знала, что большой артист, которого чаще всего ассоциируют с «Осво-

бождением», писал исповедальные стихи.

Вот уж правду говорят, что если человек талантлив, то талантлив во всем. Все, конечно, может примелькаться, но была у Олялина одна замечательная актерская способность, которая, к сожалению, сейчас совсем утрачена – умел он говорить глазами, без ненужных реплик и ужимок. И даже сила любви в киносценах проходила как сквозная рана, изнутри. Так и стихи в сборнике «Походя», изданные в 1992 году в Киеве, поражают особым восприятием добра и зла, жизни и смерти, любви и ненависти...

«Мир всякий, - пишет в предисловии Н. Олялин, - добрый и злой, жестокий и нежный, восторженный и уничтожающий. И в нем я, которому всегда чего-то хочется, чего-то не хватает...»

Прикосновение к исповедальной теме придало его стихам особую искренность и неповторимость. И не зря те, кто знали Н. Олялина, утверждают, что таким он и был простым и близким – Актером, Автором и Земляком.

Светлана ЧЕРНЫШЕВА.

Николай ОЛЯЛИН

«Я зову тебя, зову, зову, зову...»

Мной не отвоевано ни пяди,
Я в тылу снаряды не точил,
Не застыли боль и грусть
во взгляде,
И в ноге осколок не ворчит.
Мною амбразура не закрыта,
И под Курском в танке
не горел,
В рукопашный не ходил
открыто...
Я не жил, а значит – не успел.
Ад и пекло лагерей колючих
В сердце не гуляли, как озноб,
И не видел я знамен плакучих,
В путь последний
проводя гроб.
Я теперь, наверно, не узнаю,
Что такое из опилок хлеб...
Нас опять весна торопит к маю
Здравствуй, мир,
и здравствуй, человек.

Мне говорят:
- Опоздал родиться.
Многие сожалеют об этом.
А я одного лишь хочу:
изжить!
И только сейчас и поэтом.
В этом сегодня,
таким как дадено,
В проседях «вы» и ветших
лысин,
Да так, чтоб любая «гадина»,
Меня не считала лишним.
Ладно!.. не надо строго.
Такой уж как есть,

навыорот.
Даже, порой, до стога,
Как колесница из ворот!
И, не вдаваясь в тонкости,
И не щадя щедрости,
Тратьте себя, олухи,
Не прикрывайтесь
бедностью.

Я зову тебя, зову тебя,
зову...

Я живу тобой, живу тобой,
живу!
Прозевал! - кричу себе я -
Прозевал!
Знаю поздно, знаю поздно,
опоздал!
Торопился, торопился,
жадным был...
А когда тебя не стало? –
пропустил.
Я не плачу, нет, не плачу я
навзрыд,
Мне не стыдно,
все утеряно и стыд.
Нет рассветов,
нет рассветов,
солнца нет.
Одиночеством я в траур
весь одет.
Что мне звать тебя, не звать
и снова звать...
Не на сон, на жизнь я начал,
брат, звать.

Ну, так вой же серым волком
на лугу...
Я зову тебя, зову, зову,
зову...
Я зову тебя, зову тебя,
зову...
Я хочу вчерашних сказок
каламбур,
Нестанцованного вальса
один тур.
Нет, оборванные струны
не связать...
Сердце просится стонать,
стонать, стонать...

Ты скажи мне –
Был ли я в минутах?
Был ли в днях,
И был ли я вообще?
Может быть в каких-то
промежутках?
На земле и в пене
на волне?

Может быть, усталый
вечер,
Не спеша, по памяти ходил,

Может быть,
ночная ветошь,
Может, просто
под ногами ил?..

Небо выло, небо плыло,
Самолет летел.
Что-то ныло,
сердце стыло,
Вроде бы, предел.
Гость незванный,
гость нежданный –
Ветер и пурга.
Что-то странно,
вечный странник –
Такова судьба.
Где-то нужен, где-то тужат,
Может, даже ждуг.
Даже слякоть,
даже лужи –
Только нервы в жгут.
Если светел
теплый вечер,

И роса в ночи,
Где-то ветер, блудит ветер,
В облаке молчит.
А за лесом зори
пляшут,
Радость теребят.
И теперь уже
не страшен
День, что для тебя.
А надежда, все ж невежда,
О себе болит,
Как прилежно,
так прилежно –
На чужой мотив.
Ну и ладно, ну да ладно –
Не с себя, не с них...
Солнце встало,
чуть прохладно...
Вдаль умчался крик.

И снова, мечась по свету,
Я жадно искать ее буду –
Песню свою неспетую...
Забуться? Забыть?
Не забуду!

Виктор ТАРАСЕВИЧ

Долг памяти

Недавно в своем скромном литературном архиве нашел вот это письмо: «Виктор Михайлович, изучая историю комбината, перечитывая газеты «Сибирский текстильщик» 50-60 годов, встречаешь на страницах газеты Ваши стихи и рассказы. Очень хочется посетителем музея, особенно, молодежь, познакомиться с Вашими рассказами, стихами и стихами бывшего нашего рабочего поэта, ныне покойного Г. Летова.

В газетах очень много помещено Ваших стихов, но думаю, что многих-многих в газетах нет.

Не исключено, что в настоящее время вышел уже сборник Ваших стихов-рассказов.

Убедительно просим Вас, если есть сборник, выслать в дар нашему музею.

Если еще сборники не вышли, то вышлите нам краткую биографическую справку, свою фотографию, а мы из газет выпишем, перепечатаем Ваши стихи и стихи Г. Летова и

сделаем сборники, пусть будут самодельными.

Петр Александрович Рауцкий передает Вам привет и поддерживает нашу инициативу по поводу помещения Ваших стихов в музей.

С уважением к Вам председатель совета музея «Трудовой славы» Канского ХБК О. Н. Муратова».

Прочитал письмо. И сразу решил, какой тут разговор, конечно, пошлю свою последнюю книжку «Где же вы, мои гуси-лебеди». В ней ведь и стихок-песня, посвященная другу юности А. Р. Шарапову, с которым работала на текстильном комбинате. Если еще жив друг, прочтет о себе. Если уже нет его, прочтет кто-то из Шараповых. На комбинате трудилась целая династия.

Мои юношеские стихи и рассказы в «Канском текстильщике» дали мне путевку в жизнь. Благодаря им, я успешно прошел творческий конкурс при поступлении в Уральский университет, а затем был принят на работу в газету.

Пишу это письмо и испытываю чувство неловкости: в Канске могут подумать – какой неблагодарный Тарасевич. О родине, малой родине, подзабыл, а вот о Вологодском районе написал даже не одно, а несколько стихотворений. Ведь все мои книжки появились на свет благодаря ставшему тоже родным Вологодскому району, его природе, людям. Вот и за издание последней книги «Где же вы, мои гуси-лебеди» снова и снова благодарю коллектив родной газеты «Маяк», работников Майской библиотеки, и читателей, жителей поселка Майский.

Но я пишу, пишу о Канске! Но пока не нашел, не почувствовал то, что хочу сказать. И всего-то нужно отыскать первые строчки, первые – не фальшивые, не дежурные, не приторные, и стихок получится.

Вологодчина – Канск

(поэтическая переключка)

И вот, видимо, нашлись не фальшивые строчки у Виктора Михайловича – пришло в редакцию стихотворение, посвященное его родному Канску. Пусть здесь оно будет рядом со стихом о ставшей тоже родной для Виктора Тарасевича вологодской земле.

Канские мотивы

Как прекрасен крупным планом
Город Канск над быстрым Каном.
Здесь безоблачная юность
К взрослой жизни прикоснулась.

На текстильном комбинате
И друзей нашел, как братьев,
И рабочую закалку,
Что дороже всех подарков.

Как стремятся воды Кана
К Енисею-великану,
Так меня в краю далеком
Тянет к юности истокам.

Посмотреть кино в «Кайтуме»,
Скверами пройти родными,
Улыбнуться людям встречным,
И серьезным и беспечным:

- Не чужой я вам, а близкий.
В моем сердце здесь прописка.
Я готов надеть корону
Всему Канскому району!

Вологодский район

Здесь есть свое великое начало
Всем вологодским рекам и лесам,
Здесь затаилась, будто у причала,
Природы нашей дивная краса.

Где бы нас ни носило –
Лучший все-таки он
В необъятной России –
Вологодский район!

Здесь очень рано
вспыхивают зори,
И на полях грохочут трактора,
Стада коров пасутся на просторе,
Есть все у нас для счастья и добра.

Здесь жили наши
Клубов и Лобытов,
Здесь славных больше
тысячи имен,
Они, герои наши, не забыты,
Гордятся ими весь родной район.

Мы все свои и славою сочтемся,
А вот богатство будем умножать,
Лишь только бы любимая
держава
Вновь о селе не стала забывать.

Как ты широк,
простор Кубенозерья,
Как ты далек - до Норобова путь,
Но там везде друзья
откроют двери,
Чтобы с дороги дальней
отдохнуть.

Где бы нас ни носило –
Лучший все-таки он
В необъятной России –
Вологодский район!